

Показания, регламентация лжи и решения конкретного судьи как проявления права

Захарцев С. И., Сальников В. П.*

Ключевые слова: суд, судопроизводство, судебный процесс, компрекендная теория права.

Аннотация. В статье показывается, что право является сложным, противоречивым, многогранным социальным явлением. Приводятся примеры того, что право подчас сводится к показаниям, причем нередко признанию собственной вины и это, как ни странно, выгодно всем участникам процесса. Демонстрируется, что как уголовное, так и гражданское судопроизводство предполагают возможность утверждать неправду как минимум одной из сторон спора. Право же в данном случае фактически регламентирует порядок доведения лжи до судьи. При этом право в ряде случаев представляет собой не то, что имел в виду законодатель, а то, что прочитал и понял в норме закона конкретный судья. В статье развивается компрекендная теория права.

DOI: 10.21681/2226-0692-2020-3-4-8

В 2016 году Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и Московским государственным юридическим университетом им. О.Е. Кутафина издана солидная монография «Теория государства и права в науке, образовании, практике», состоящая из статей специалистов по указанной науке. Каждая из опубликованных в книге работ заслуживает отдельного осмысления. Но сегодня нам вспомнилась статья Н.А. Колоколова. Он, рассуждая, что такое право, написал в конце расхожую фразу: «Право это не то, что задумал автор закона, и не то, что записал в нем законодатель. Право это то, что прочитал конкретный судья» [19, с. 269, 270]. К ней иногда добавляют: «Прочитал и услышал в судебном заседании конкретный судья».

Иными словами, более развернуто: на практике все упирается в то, что именно понимает в норме права прочитавший ее судья и какие показания, относящиеся в его понимании к этой норме, он услышит в ходе заседания.

Эта фраза вроде бы жестокая, спорная, противоречивая. Но, увы, практика показывает, что она во многом соответствует действительности. Особенно — в уголовном судопроизводстве.

Дело в том, что вся судебная практика и правосудие построены на показаниях. Именно показаниями в основном доказываются тот или иной факт, виновность и т. д. Все вещественные доказательства важны только в

контексте подкрепления слов свидетеля и подсудимого. Или опровержения слов одного, но обязательного подтверждения слов другого. Отпечатки пальцев на топоре, которым было совершено убийство, будут ничего не значить, если подсудимый докажет, что в день убийства рубил им дрова. Крайне важно, чтобы подсудимый признавался в убийстве: вот тогда отпечатки пальцев будут отличным подтверждением его виновности.

Именно поэтому оперативные сотрудники и следователи постоянно бьются над тем, чтобы обвиняемый обязательно признал свою вину. Такая картина до сих пор существует в практике работы как российских, так и зарубежных полиции и правосудия. Кто-то сразу возразит, вспомнит презумпцию невиновности и то, что признания своей вины не могут быть положены в основу обвинения, пока не будут подтверждены другими доказательствами. Конечно, только признательные показания в суд никто не направит. Но без признательных показаний многие доказательства могут быть поставлены под сомнение. Ярким примером является приведенный выше рассказ про топор.

Мы длительное время изучали профессиональную деформацию сотрудников правоохранительных органов [6; 7; 8]. В ходе исследований мы неофициально опросили двести судей. Из них 198 судей сказали, что при вынесении приговора для них очень важно, чтобы в уголовном деле были признательные показания подсудимого. Тогда психологически гораздо легче оцени-

* Захарцев Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, член-корреспондент РАРАН, заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: sergeyivz@yandex.ru

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАРАН, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: fonduniver@bk.ru

вать доказательства, легче выносить обвинительный приговор и назначать наказание. Судье важно слышать признательные показания от подсудимого или хотя бы знать, что он признавался в ходе предварительного расследования.

Причем об этом желании судей всем известно: следователям, прокурорам, оперативным сотрудникам. Более того, в ходе исследований некоторые следователи и оперативные сотрудники признавались, что судьи кулуарно высказывали им: «Что же вы не смогли его (обвиняемого) «расколоть»? Как мне теперь судить — вы подумали?» [7, с. 296]. Прокуроры признавались, что слышали такие же фразы, но в мягкой форме. Дескать, подсудимые не признаются и в деле ничего не понятно, разучились работать оперативники и следователи, да и вам (прокурорам) тяжелей. Вот такие реалии правосудия.

Признание обвиняемым виновности, даже при его отказе от своих показаний в суде, все равно с большой вероятностью означает обвинительный приговор.

Обвинительный приговор, в свою очередь, для оперативников, следователей, прокуроров означает раскрытие преступления, качественное расследование, грамотный надзор за законностью и т. д. Именно так обвинительные приговоры (официально или негласно) будут оцениваться соответствующими начальниками государственных органов.

Таким образом, мы опять упираемся в признание вины, т. е. получается, что признательные показания подсудимого выгодны практически всем участникам судопроизводства: судье, прокурору, следователю. Выгодны свидетелям, экспертам и адвокатам, так как благодаря признаниям быстрее и менее нервно идет правосудие. Выгодны потерпевшему: его выгода может иметь не только моральную, но и морально-компенсационную сторону.

Единственный участник, чья выгода от признательных показаний неоднозначна — это сам подсудимый. Бывают ситуации, когда его признание действительно смягчает его ответственность. Но в практической работе имеется расхожее юмористическое выражение: чистосердечное признание смягчает ответственность, но удлинит срок! Если подсудимый признается в совершении преступления, он обязательно получит обвинительный приговор (которого, возможно, при отсутствии признания могло и не быть). Как уже отмечалось, при отсутствии признания судья нередко колеблется и на всякий случай вынесет меньшее наказание. По закону, конечно, должно быть наоборот — чистосердечное признание и глубокое раскаяние является смягчающим вину обстоятельством. Однако в жизни бывает по-другому. Если есть стопроцентный виновный, то его даже при смягчающих обстоятельствах судят обычно строго и принципиально, то есть более сурово, чем человека, который не признается. Многим исследователям известны случаи, когда признающие вину подсудимые, находившиеся в преступной группе «на вторых ролях», получали большее наказание, чем не признающие активные участники преступления [22, с. 18].

Наиболее глубоко и объективно исследования подобных действий судей провел известный петербург-

ский процессуалист С.А. Новиков. Неформально проанкетированный этим ученым один из судей описал мотивы своих решений так: «Когда судья выносит обвинительный приговор отрицающему свою вину подсудимому, нередко в глубине души, несмотря на большой объем изобличающих доказательств, он боится, что совершит ошибку. Поэтому назначает менее строгое наказание. Если же обвиняемый признает вину, сам подробно рассказывает, как совершил преступление, он тем самым дает судье практически полную уверенность в правильности принимаемого решения, что зачастую приводит к весьма суровому наказанию» [23, с. 54—55].

То есть признательные показания — до сих пор наиважнейшая часть уголовного правосудия и права в целом. При отсутствии признания для обвинительного приговора особое значение приобретают показания потерпевшего и свидетелей. Формально все виды доказательств важны, имеют одинаковую юридическую силу и т. д. Но на самом деле уголовный процесс и правосудие, как показано, вертятся вокруг показаний. Право действительно в какой-то степени представляет собой показания, а также то, как их услышал конкретный судья. Давайте признаемся себе, что показания — это тоже грань права, причем на практике очень существенная грань.

И так не только в российском уголовном правосудии, а во всем мире. Более того. Во многих западных странах практикуется не объективная, как в России, а так называемая юридическая (формальная) истина. Там следователи, обвинители, суд не должны стремиться установить то, как было на самом деле. В таких странах суд выносит решение по формальным имеющимся в деле доказательствам. Один авторитетный американский судья делился с нами нюансами их правосудия. По его словам, если трое человек дадут прямые показания, что видели, как четвертый совершил преступление, судье ничего не останется сделать, как признать последнего виновным. Судья будет убежден, что преступник не тот, на которого показывают, но для правосудия это значения иметь не будет — формальная истина! И все будут правы.

Оправдательные доказательства собирает сам подсудимый и его адвокат. Но на американское общество надо смотреть без иллюзий, не так, как последнее тридцатилетие было принято смотреть на него в России. Там также бывают слабые адвокаты, причем адвокаты в плане заработка нередко зависят от обвинителей (значит, им незачем ссориться); бывает, наконец, что адвокаты обманывают подзащитных.

В западных странах, как и в России, тоже существует ответственность за лжесвидетельство. Однако, как и у нас, применяется эта норма достаточно редко. Кроме того, опять же благодаря показаниям, у опытного или хорошо проинструктированного лжесвидетеля есть возможность уголовной ответственности избежать. Как это сделать, мы описывать не будем: не хотим, чтобы статья стала инструкцией по нарушению законности. Просто еще раз повторим, что и у нас, и на Западе в суде не всегда даются истинные показания, а уголовная ответственность за такие действия применяется редко. Но

при этом показания лежат в основе приговоров. вещественные и иные доказательства, как правило, лишь дополняют показания.

Вернемся к признательным показаниям. С Запада к нам в уголовный процесс пришла такая форма признательных показаний, как «соглашение о признании вины» и вынесение на его основе приговора фактически без исследования доказательств. Бывший Первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.И. Радченко абсолютно справедливо пишет о том, что с принятием УПК РФ началось сползание нашего правосудия к стандартам англо-саксонской системы права. В частности, с принятием главы 40 УПК РФ (Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением) в нашем уголовном процессе оказался реализованным постулат римского права «признание — царица доказательств» — так в римском праве называлось признание вины, которое делает излишним все иные доказательства, улики и иные следственные действия [26, с. 29—30].

Российское правосудие ранее было более справедливым и никаких сделок с подсудимым о признании вины в обмен на уменьшение объема обвинения не было! Более того, даже неофициальное предложение следователя обвиняемому о признании вины в обмен на сокращение объема обвинения, утаивание отдельных преступлений, могло закончиться привлечением следователя к уголовной ответственности.

Однако все поменялось. В.И. Радченко в своей статье приводит мнения специалистов Д.В. Федотовой и М.В. Спиридонова. В частности, Д.В. Федотова отмечает, что следователи и судьи с энтузиазмом освоили «особый порядок», в котором стало рассматриваться 70% уголовных дел. Еще бы: теперь главной задачей следователя стало склонение обвиняемого о рассмотрении дела в особом порядке. Спиридонов М.В. дополняет, что на практике сложилась ситуация, что особый порядок нужен, прежде всего, стороне обвинения, так как самое шаткое дело, в котором отсутствует качественная доказательственная база, благодаря данному порядку может легко перерасти в обвинительный приговор [26, с. 29].

В итоге, подводит итог В.И. Радченко, учитывая широкую распространенность особого порядка (70% процентов от числа рассмотренных судами уголовных дел), существует опасность, что вырастет поколение судей, утративших навыки исследования доказательств по уголовным делам [26, с. 29—30].

Но эти 70% означают еще, как минимум, две вещи. Во-первых, они ярко показывают главную роль в уголовном процессе показаний и признания своей вины. Во-вторых, они демонстрируют, что в зарубежном уголовном процессе показания тоже главенствуют. Иногда в ущерб справедливости и разумности. Но, увы, всякого рода сделки и соглашения в обмен на признания — явление, пришедшее к нам из англо-американской системы правосудия, где оно успешно применяется длительное время.

Мы рассмотрели уголовный процесс. В гражданских, трудовых, земельных и т. д. спорах показания играют меньшую роль. В таких делах нередко все упирается в договоры и иные документы. Но здесь более остро и

актуально звучат приведенные выше слова Н.А. Колоколова о том, что право — это то, что прочитал в норме закона конкретный судья. От себя добавим: не просто прочитал, но и понял, поскольку понимание у всех судей разное. Недаром говорят, что два юриста — а три мнения. Судья на основании того, что он прочитал и принял в законе, своим решением создает прецедент, являющийся образцом для остальных, настоящих правовой акт. В этом заключается право прецедента, распространенное в некоторых западных странах.

Н.А. Колоколов своими словами, наверное, хотел подчеркнуть важность решения конкретного судьи, статус этого решения, которое именуется чуть ли не правом. С одной стороны, так и есть, но почему мы опять забываем о другой стороне? Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т. д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет! В результате суд выносит решение. И указанное действие считается правовым! При этом решения суда зависят не только от норм права, но и от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т. д. Как мы все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в данных случаях — что парадоксально! — выступает, по сути, регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не установления истины и справедливости. Некоторые процессуалисты считают, что и в гражданском процессе суд должен стремиться устанавливать именно объективную истину. Но это, увы, не меняет сущности права, которое своими нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде. Опрошенные нами пятьсот российских и зарубежных адвокатов по гражданским делам признались, что каждый из них (вдумайтесь!) неоднократно предоставлял в суд заведомо искаженную в свою пользу информацию. И искажение информации (умолчание об одних фактах, недостоверная интерпретация других, уничтожение отдельных документов и т. д.) приводит к судебному решению, которое считается правовым и является прецедентом для других судей! Вот так. То есть, право — это не просто то, что прочитал и услышал конкретный судья, а еще откровенный регулятор лжи.

Решение конкретного судьи, показания, регламентация лжи — вот такие разные и объективные проявления права.

Это наверняка понимает Н.А. Колоколов, поэтому предлагает: «... задуматься о словах бывшего председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванова: в России честный бизнес невозможен. Если честного бизнеса нет в принципе, то что может сделать даже честный суд? Да и нужен ли он нечестному бизнесу?» [19, с. 269].

Но и на суд западных стран мы тоже призываем смотреть без романтизма и веры, что там все честно. Интересно, что некоторые опрошенные адвокаты поставили нам условие не называть их установочные данные, что вполне логично. А отдельные, напротив, к оглашению

их фамилий отнеслись нормально, заявив, что их готовность для клиентов на все, на любую фальсификацию, плюс общение с нами только сделает им рекламу. Факт тоже любопытный и характеризующий право и решения судей весьма объективно, правда, не с лучшей стороны.

Несколько лет назад мы разработали **компрехендную теорию права** (от латинского *comprehendo* — всеохватывающий) и развили ее положения в последних монографиях [7—15]. Актуальность формирования и формулирования этой теории вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого сегодня метода идеализации права.

Право — сложнейшее социальное, противоречивое явление. Ведь право — это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны. Право в ряде случаев формирует политику и, одновременно, является инструментом политики. Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов. Право — это и реализация человеком потребностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. Право декларирует свободы и равенство, но одновременно, под угрозой строгого наказания, жестко регулирует поведение в угоду конкретных лиц. Такие размышления можно продолжать и продолжать.

Предметом теории компрехендного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, **оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции**.

Предмет теории компрехендного изучения права включает также:

- закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии;
- закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.);
- перспективы развития права в контексте правовой реальности [12, с. 11—12].

Путь к познанию права, по нашему мнению, лежит не через упорное обоснование какой-либо одной концепции права, чем нередко «грешат» многие ученые. Однако и не через интегральную теорию права, сводящуюся к попыткам взять «лучшее» из имеющихся правовых концепций. Полностью не познав право, невозможно сказать, что в нем «лучшее», а что — «худшее». Речь идет и не об объединении разных правовых концепций. Смысл предложенного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деидеологизированном познании права, не допуская господства какой-либо концепции. Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., — тем скорее мы придем к познанию права.

Право имеет как разумные, так и откровенно бессмысленные черты, проявляет как позитивные, так и негативные грани. Большинство читателей почему-то интересуют негативные грани. Приведем несколько примеров. Право в ряде стран разрешает и регулирует проституцию, торговлю наркотиками, биоэксперименты над человеком и его психикой, разработку и распространение оружия, отравляющих веществ и т. д. Докатились до того, что право в ряде стран регламентировало однополые браки, инцест и возможность усыновления такими субъектами детей.

Наш объективный, разносторонний и принципиальный подход к праву вызвал интерес у многих теоретиков и философов права [1; 2; 3; 4; 5; 17; 18; 20; 21; 24; 25; 27], привлек серьезное внимание и за рубежом. Статьи и книги о компрехендной теории права переведены на несколько иностранных языков. Более того, несмотря на имеющиеся сейчас противоречия у России с другими странами, а также холодно-настороженное отношение у иностранцев ко всему русскому, нашу книгу о философии права, содержащую указанную теорию, издали даже в Кембридже [28].

Как заметили исследователи этой теории, ее своеобразной визитной карточкой является сравнение права с бриллиантом [16]. И действительно, в зарубежной юридической и философской науке стала достаточно распространенной наша цитата о сравнении права с бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом: специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, немало. Однако их и не так много, как граней бриллианта. Наши исследования позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно диалектически перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть, удивительном для нас всех.

В данной работе мы констатируем, что у права имеются такие самостоятельные грани, как решение конкретного судьи, показания, регламентация лжи. Эти грани не во всем позитивны, но они объективно присутствуют у права. Как к ним относиться? Философски. И продолжать разносторонне и честно изучать это сложнейшее явление под названием право.

Литература

1. Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 304—307.
2. Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 188—192.
3. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 pp. // Правовое государство: теория и практика. 2018. Т. 2. № 52. С. 206—208.
4. Дворецкая Е.В., Кузнецов Э.В. Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 11. С. 193—197.
5. Загоруйко К.Ф., Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. Сальникова В.П. М.: Норма, 2014. 207 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2015. № 1. С. 21—24.
6. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 335—343.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.
8. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права : монография / Под ред. В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014. 208 с.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. 264 с.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрекендная теория права? // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 5—9.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании компрекендного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 36—58.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрекендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 4—13. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-4-13.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 14—22.
14. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с.
15. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) : монография / Под ред. С.И. Захарцева. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
16. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 14—18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
17. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78—85.
18. Комаров С.А., Хабибулин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. 2020. № 1 (17). С. 193—208.
19. Колоколов Н.А. Судебная власть в современной российской науке: теория государства и права // Теория государства и права в науке, образовании, практике : монография / Пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М. : Юриспруденция, 2016. С. 257—270.
20. Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания S.I.Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 9. С. 191—194.
21. Масленников Д.В., Степашин С.В. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 177—179.
22. Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Российская юстиция. 1998. № 7. С. 18.
23. Новиков С.А. Правдивые показания: правовые меры стимулирования в России и за рубежом (уголовное судопроизводство) // СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. 425 с. ISBN 9785964500889.
24. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014. 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 7. С. 184—190.
25. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 196—200.
26. Радченко В.И. Действующий УПК тормозит развитие судебно-правовой реформы // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (34). С. 27—31. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-4-27-31.
27. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014. 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 203—209.
28. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 pp.

Рецензент: Антонов Игорь Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, г. Москва, Россия.
E mail: docantonov@yandex.ru